

ПУТЕВОДИТЕЛЬ СТАРОГО ДЕШЕГО

КСЕНИЯ ЕЛЮТИНА

18+

Ксения Елютина

Путеводитель старого лешего

«Автор»

2026

Елютина К.

Путеводитель старого лешего / К. Елютина — «Автор», 2026

Старый леший Еремей, забывчивый, сварливый и равнодушный к браге, поспорил с ехидной, что раскроет любое лесное преступление. И пошло-поехало: то эхо под бревно закопает и сам же ищет, то ещё какую дичь сотворит. В сборнике «Путеводитель старого лешего» вас ждут запутанные дела, допросы с пристрастием (и без), философствования Водяного, истерики Русалки и заметки на полях, из которых ясно: главный детектив леса — ещё тот фрукт. Сыщик, преступник и свидетель в одном лице. С похмелья, но с талмудом.

© Елютина К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
Дело первое « Кто украл Эхо»	6
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Ксения Елютина

Путеводитель старого лешего

Предисловие

Лес стих.

У старого раскидистого дуба, на небольшом трухлявом пне, восседал здоровенный, поросший мхом, с поганкой на левом плече леший глубоко преклонного возраста. Он вытаскивал из дупла свёртки бересты, записки на листьях и даже какое-то подобие свитков.

— Да где же оно, где же, да тьфу ты, шельма! — пробурчал Еремей.

Да, его звали Еремей. Ну, или просто Леший. Кто его так назвал, никто не знал, да и он сам, кажется, не знал. Пнув зайца, присевшего у корней дуба, он добавил:

— Вот засранец мелкий, весь лес уже обоссал, а ему всё мало!

Уже совсем взбеленившись, он залез по пояс в дупло и только тогда, с победным кличем, вытащил здоровенный талмуд и повертел им у себя перед носом.

— Нашёл, нашёл! А я тебя нашёл! Выкуси, ехидна! Я старый, но не тупой! Вот оно! Я уже поди лет тридцать всё записываю, хотя может больше, тьфу, не помню.

Еремей поспорил с ехидной, что лет дцать тому назад он раскрыл одно интереснейшее дело. Та, зараза колючая, не верила: мол, склероз у тебя, дед, всё ты выдумал, сиди уж на пне, не позорься. А он точно помнил, что записывал. Правда, в чём именно то дело заключалось, вспомнить так и не мог. Но записи-то есть!

Сел он перечитывать свои записки, сидит, ворчит. Раньше весело ему было: то в глушь кого-нибудь заведёт, то в болото затащит, а то и выведет того, кто понравится, ещё и ягод с грибами насыпет. А сейчас совсем тухло стало. Тихо. Никто не ходит, в телефонах все сидят, да клещей боятся — говорят, энцефалитные. А что уж это значит, ему так никто и не объяснил.

— Ага! Вот и оно! — радостно произнёс он.

И, не дочитав, а лучше бы, конечно, дочитал — знал бы он, чем это его дело закончилось, так быстро бы не побежал, — ну как побежал... дошёл, как мог. Спор был в самом разгаре.

Дело первое «Кто украл Эхо»

Глава 1. Утро, которое не задалось

Лес просыпался нехотя, словно старый пьяница после затяжной гулянки. Солнце ещё только пробивалось сквозь мохнатые лапы елей, и свет его был жидким, разбавленным, будто процеженным через мутную воду.

В дупле старого дуба было темно и душно. Пахло прелой листвой, сушёными мухоморами и чем-то ещё — тем самым запахом, который бывает только у очень пожилых, одиноких существ, давно махнувших рукой на быт, в общем в дупле воняло плесенью и жутчайшим перегаром.

Еремей лежал на куче мха, служившей ему постелью, и пытался понять, жив он или уже не совсем. Голова гудела так, будто в ней поселилось семейство дятлов и теперь планомерно выдалбливало себе новые хоромы. Во рту стоял вкус болотной тины. А где-то в районе пояса поселилась такая боль, что Еремей всерьёз заподозрил — не спал ли он всю ночь на еже.

Он приоткрыл один глаз.

Луч солнца ударил в зрачок, как заточенная ветка. Еремей застонал и перевернулся на бок. Борода из серого мха, спутанная и неухоженная, зацепилась за сучок. В ней кто-то копошился.

— А ну кыш, — прохрипел Еремей, не открывая глаз. — Мои орехи, сам себе ищи.

Бельчонок, рывшийся в бороде в поисках прошлогоднего жёлудя, обиженно цокнул и выпрыгнул вон.

Еремей сел. Движение отозвалось в висках таким грохотом, что он на секунду испугался — не обрушился ли дуб. Нет, дуб стоял. Это просто вчерашняя брага напоминала о себе.

— Ой, дурак... — пробормотал Еремей сам себе.

Эхо молчало. Но этого он тогда ещё не заметил.

Он нашарил лапти — старые, плетённые ещё при царе Горохе (и Еремей точно помнил этого царя, тот был зануда и вечно путал грибы), — натянул их на мохнатые ноги и выполз наружу.

Лес встретил его тишиной.

Не утренней тишиной, когда всё ещё спит. Не спокойной тишиной, какая бывает перед грозой. А именно что неправильной тишиной, от которой у Еремея, прожившего в этой чаще не одну сотню лет, сразу зашевелились волосы на загривке. Даже те, что в бороде.

Он прислушался.

Ничего.

— Эге-гей! — гаркнул он в пространство.

Ничего.

Обычно эхо подхватывало его голос и тащило его по всему лесу: «Эге-гей-гей-гей...» Оно любило поиграть. Иногда, раздухарившись, оно повторяло «гей» раз двадцать, пока Еремей не запускал в него шишкой.

Сейчас было тихо.

— Странно, — сказал Еремей. И ещё раз, громче: — Странно, говорю!

Тишина стояла такая, что даже «странно» прозвучало как-то жалко и одиноко.

Он пожал плечами. Мало ли. Может, эхо улетело куда-то по своим эховым делам. В конце концов, у него тоже должна быть личная жизнь.

Еремей доковылял до ручья, умылся ледяной водой (голова завывала, но стало чуть легче), попил и побрёл обратно к дубу. У порога его ждал Лось.

Лось стоял молча. Он вообще был существом неразговорчивым — не потому что глупым, а потому что каждое слово у него рождалось долго, как жёлудь из земли. Сначала мысль должна была прорасти, потом окрепнуть, потом вытянуться в предложение, а уж потом Лось открывал рот. К тому моменту тема разговора обычно уже теряла актуальность.

В зубах Лось держал пучок мухоморов.

— М-м-м, — сказал Лось.

Это означало: «Я принёс тебе мухоморов. Ты вчера был плох. Я подумал, тебе пригодится».

Еремей, знавший язык Лося в совершенстве, кивнул.

— Спасибо, сохатый. Положи, там,- Леший ткнул пальцем в сторону дуба.

Лось положил мухоморы и задумался. Еремей ждал. Прошло минуты две.

— Т-ш-ш-ш, — сказал Лось наконец.

Это означало: «Тишина сегодня какая-то странная. Ты не находишь?»

— И ты заметил, значит мне не мерещится? — поднял бровь Еремей.

Лось кивнул. Подумал ещё.

— Э-э-э, — добавил он.

«Эхо пропало. Это тревожно».

— Я разберусь, — пообещал Еремей. — Иди пока.

Лось постоял ещё немного (мысль о том, что надо уходить, как раз пробивалась сквозь толщу его сознания), а потом неторопливо скрылся в подлеске.

Еремей пожевал мухомор. В голове чуток прояснилось. Он сел на свой трухлявый пенёк, достал талмуд и начал писать, чтобы отвлечься от похмельной рези в висках.

Заметка на полях, сделанная корявым почерком:

«Лось — хороший. Всегда приносит что надо. Жаль, говорит медленно, да невнятно. Пока он скажет "дождь будет", три раза ливанёт, да зима наступит. Но друг он надёжный. Не то что некоторые чешищчатые».

Именно в этот момент, когда Еремей уже почти задремал над своими записями, в его дупло ворвалась Русалка.

Ворвалась — не то слово. Она всплыла. Или втекла. Или влетела так, как может влететь только Русалка: с шумом, плеском, запахом речной воды, мокрых волос и тины, на большую голову только этого и не хватало, с порогом слёз, которые ещё не пролились, но уже были готовы.

Она была красива. Этого не отнять даже самому предвзятому критику. Длинные волосы цвета мокрой соломы спускались ниже пояса — ниже колен — ниже щиколоток — и волочились по земле, собирая хвою и прошлогодние листья. Кожа у неё была синевато-белая, как у всех утопленниц, которым повезло с комплекцией. Глаза — большие, светло-зелёные, с тем самым глуповатым выражением, которое бывает у очень красивых женщин, никогда не обременявших себя размышлениями о насущном. Рот был приоткрыт, и в нём блестели мелкие, острые зубки. На голове, кое-как вплетённые в волосы, болтались кувшинки — уже помятые, потерявшие пару лепестков и общий приличный вид.

— Еремее-е-е-е-е-й!!! — её голос, высокий и визгливый, ввинтился в голову похлеще вчерашней браги.

Еремей скривился от русалочьих воплей.

— Ну чего тебе, мочалка?.. Ой, прости. Чего тебе, красавица?

Он вовремя осёкся. «Мочалка» — это было прозвище ехидны, и Русалка о нём не знала. Но всё равно — называть Русалку мочалкой было себе дороже. У неё был скверный характер. Очень скверный. Такой скверный, что даже Водяной, её ближайший родственник и покровитель, при виде её в гневе уходил на дно и не всплывал часами, только побулькивал, бухал наверное, от такого-то соседства.

— Украли!!! — взвыла Русалка, и слёзы наконец брызнули из её прекрасных глупых глаз.

— Да что украли? У кого? Где? Тебя, нет, кому ты нужна? Говори помедленнее и потише.

— Эхо! Эхо украли!!!

Она зарыдала с таким вкусом и самоотдачей, что Еремей поневоле залюбовался. Русалка рыдала так, как умеют рыдать только очень красивые и очень глупые женщины: с надрывом, с причитаниями, с заламыванием рук и совершенно без всякой цели.

— Та-а-ак, — протянул Еремей. — Давай по порядку. Сядь. Нет, не на мухоморы. Вот сюда. И рассказывай.

Русалка села, но не успокоилась. Слова из неё вырывались вместе со всхлипами, как пузыри из болота.

— Я сижу-у-у... сижу на ка-а-амне... кувшинки вплела-а-а... час плела-а-а, целый час... а оно молчи-и-ит...

— Кто молчит?

— Эхо!!! — она взглянула на Еремея с такой обидой, будто это он лично украл эхо и теперь ещё имеет наглость не сознаваться. — Я ему говорю: «Я красивая?» — а оно молчит! Понимаешь?! Мол-чит!!!

Еремей вздохнул. Он чувствовал, что разговор будет долгим, нудным и очень не простым.

— И что, прямо молчит?

— Прямо! Прямо молчит! — Русалка взмахнула руками, и несколько кувшинок окончательно выпали из причёски. — Я его и так, и эдак! Я ему: «Я красивая?» — молчит. «Я красивая-красивая?» — молчит. «Я самая красивая в этом болоте?» — А оно, гадость эдакая, молчит!!! Не восхищается!

— Ну, во-первых, не в болоте, а в реке, — поправил Еремей. — Болото — это к Водяному. А во-вторых...

— Какая разница!!! — взвизгнула она. — Никто не приходит!!! Раньше, бывало, скажешь — эхо разнесёт, все слышат, приходят, смотрят... А теперь — никого!!! Я, между прочим, красивая!!! Я целый час кувшинки вплетала!!!

— Красивая ты, красивая, — устало согласился Еремей. — Но эхо, допустим, пропало. А почему сразу — украли?

Русалка на секунду замерла, перестав рыдать. Её лицо, залитое слезами, приняло задумчивое выражение. Выглядело это так, словно в её голове впервые за долгое время зашевелилась мысль — одинокая, потерянная, как грибник в незнакомом лесу.

— Ну... — сказала она, — не могло же оно само пропасть! Оно всегда было! Я ещё ма-а-аленькой была, меня мама на руках носила, а оно уже было! Я ему кричала: «Я красивая!» — и оно отвечало: «Красивая-красивая...» — она снова всхлипнула. — А теперь... Теперь меня никто не слышит... Я как немая... Как рыба...

— Ты и есть рыба, — заметил Еремей.

— Я НЕ РЫБА!!! — Русалка вскочила, и её волосы взметнулись, как змеи. — Я русалка!!! Я девица!!! Я, может, замуж хочу!!! А кто на мне женится, если меня никто не слышит?!

Еремей потёр виски. Голова снова начинала раскалываться.

— Ладно, — сказал он. — Предположим, украли. Кто? Кому эхо могло понадобиться?

Русалка задумалась снова. Это было мучительно наблюдать. На её лице сменялись выражения, как погода в марте: подозрение, неуверенность, снова подозрение, снова слёзы.

— Я не знаю — прошептала она. — Ну ты и узнай! Ты же леший! Ты хранитель леса или где! Сделай что-нибудь!!! Дятел в депрессии, Сова на грани увольнения, Водяной говорит, что его болото теперь как могила, даже квакать никто не хочет!

— Хорошо, — сдался Еремей. — Узнаю. Расследую. Найду. А ты иди пока... поплавай. И кувшинки эти убери — они у тебя уже набекрень.

Русалка машинально поправила волосы, всхлипнула последний раз и направилась к выходу. У порога она обернулась:

— А ты и правда узнаешь?

— Правда.

— И вернёшь?

— Верну.

— И тогда все увидят, какая я красивая?

— Увидят. Утонут от счастья. Иди уже.

Русалка уплыла, оставив за собой мокрый след и стойкий запах речной тины пополам с духами из кувшинок. Еремей ещё некоторое время сидел неподвижно, а потом взял талмуд и сделал новую запись.

Заметка на полях:

«Русалка — создание прекрасное, но головного мозга у неё, по моим прикидкам, граммов шесть, не больше. И все шесть заняты её внешностью. Хотя, положив руку на сердце, эхо пропало — это и правда беда. Кому оно ещё нужно так же сильно, как ей, я не знаю. Разве что Дятлу. Но Дятел вообще глухой от своей работы».

Глава 2. Допрос с пристрастием (и с брагой)

Болото встретило Еремея запахом тины, застоявшейся воды и какой-то древней, замше-лой печали. Кочки хлопали под лаптями, ноги то и дело проваливались в рыжую жижу, а рогоз, разросшийся до неприличия, хлестал по лицу. Над водой поднимался туман — густой, белё-сый, пахнувший болотом, что вполне логично, и чьими-то несбывшимися мечтами.

— Эй, Водяной! — крикнул Еремей, останавливаясь на относительно твёрдой кочке. — Вылезай! Дело есть!

Вода в середине болота дрогнула. Пошли пузыри — один, другой, третий. Потом на поверхность поднялась пара мутных с перепоею глаз, а за ними и весь Водяной.

Он был, прямо скажем, не в лучшей форме. Одутловатое лицо зеленоватого оттенка напоминало перезрелую тыкву, которую забыли на грядке и по которой пару-тройку раз про-шлись граблями. Под глазами залегли такие мешки, что в них можно было хранить картошку на зиму. Редкие волосы, похожие на водоросли (собственно, водорослями они и были), сви-сали с головы мокрыми прядями. Пахло от него брагой, и этот запах был таким мощным, что Еремей невольно поморщился — хотя сам вчера был не лучше.

— А, это ты, — голос у Водяного был низкий, булькающий, с лёгкой хрипотцой. — Чего пришёл? Добавки нет, извини. Всё вчера прикончили.

— Я не за добавкой. Я по делу.

— По делу? — Водяной высунулся из воды по пояс, и стало видно, что одет он в какую-то рваную рубаху, которая когда-то, вероятно, была белой, а теперь напоминала цвет болотной жижи. — С каких это пор ты по делам ходишь? Ты же у нас на пенсии. Заслуженный леший в отставке. Хранитель, блин, чащи. Чего хранишь-то? Пень трухлявый?

— Остряк, — буркнул Еремей. — Прямо как при браге был, так и без браги такой же.

— Я без браги не бываю, — философски заметил Водяной. — Так в чём дело-то? Давай быстрее, у меня там рыбы некормленные. И сам я, честно говоря, ещё не отошёл. Ты кстати как?

— Так же, — честно признался Еремей. — Слушай, у нас эхо пропало.

Водяной моргнул. Потом ещё раз. Потом медленно, очень медленно улыбнулся — так, как умеют улыбаться только очень пьяные и очень мудрые существа.

— Эхо? Пропало? — он хмыкнул. — Ну и чёрт с ним. Мне-то что? Я и так всё слышу. У меня болото — само как эхо. Квакнешь — и три дня по кочкам разносится. А мне это надо? Мне тишина нужна. Тишина и покой. И ещё брага.

— Русалка в истерике, — сказал Еремей. — Говорит, украли.

— Русалка всегда в истерике, — парировал Водяной. — Если у неё нет повода для истерики, она его придумает. Это её, так сказать, образ жизни. Её естественное состояние. Её, если угодно, экологическая ниша.

Он снова хмыкнул, довольный своей шуткой.

— Ты мне зубы не заговаривай, — нахмурился Еремей. — Ты вчера ничего странного не заметил?

— Вчера? — Водяной задумался. — Вчера я заметил, что ты храпишь во сне. И что лягушки разбежались, когда ты упал с кочки. И что брага кончилась. Это странно?

— Это обычно. А ещё?

— Ещё? — Водяной поскрёб подбородок, с которого свисала какая-то тина. — Ещё ты кричал.

— Что кричал?

— Что-то вроде «заткнитесь все». Или «заткнитесь, твари». Или «да заткнётесь вы когда-нибудь». Я уже не помню точно. Ты был очень убедителен. Даже лягушки заткнулись.

У Еремея внутри что-то неприятно шевельнулось. Какое-то смутное воспоминание. Обрывок. Тень. Он попытался ухватить его, но оно ускользнуло, как малёк сквозь пальцы.

— А потом? — спросил он осторожно.

— А потом ты ушёл. Сказал: «Я щас». Или «Я сейчас всё сделаю». Что-то такое. Я не прислушивался, если честно. Я в этот момент беседовал с кувшинкой. Она оказалась на редкость скучной собеседницей.

— Ты с кувшинкой беседовал?

— А что? — Водяной поднял бровь. — Тебе можно с грибами разговаривать, а мне с кувшинкой нельзя? У нас, между прочим, равноправие. Флора, фауна — все имеют право на самовыражение.

Еремей вздохнул. Разговор принимал типичный для Водяного оборот: уходил в философские дебри, из которых потом не выбраться без дополнительной порции браги.

— Ладно, — сказал он. — Если что-то вспомнишь — дай знать.

— А как я дам знать? — удивился Водяной. — Эхо же пропало.

И он захохотал — булькающим, утробным смехом, от которого по болоту пошли волны. Еремей плюнул и побрёл обратно к твёрдой земле. За спиной ещё долго разносилось бульканье — не поймёшь, то ли Водяной смеётся, то ли болото живёт своей жизнью.

Заметка на полях:

«Водяной — философ. Это плохо. Философы ничего не помнят, всё ставят под сомнение и вечно пьют. Допросить его невозможно — он из любого вопроса сделает риторический. Но кое-что он всё же сказал: я кричал "заткнитесь". Зачем я кричал "заткнитесь"? Кому? И главное — куда я потом пошёл?»

Следующим пунктом расследования значился Дятел. Он обитал на Старой Сосне, что на краю Сухого Оврага, и был существом крайне занятым. Вся его жизнь состояла из стука.

Стучать он мог с утра до вечера, с вечера до утра, и если бы существовала профессия «главный стукач леса» — Дятел занял бы её без конкурса.

Еремей нашёл его на обычном месте: Дятел висел на стволе, вцепившись когтями в кору, и методично долбил в одно и то же место. Стук разносился по всему оврагу — точнее, разносился бы, если бы эхо работало. А так звук выходил какой-то плоский, глухой, будто стучали в подушку.

— Эй, пёстрый! — окликнул его Еремей. — Разговор есть!

Дятел не остановился. Он вообще редко останавливался — боялся, что за время простоя в дереве заведётся что-то не то.

— Дятел! — гаркнул Еремей громче. — Оглох, что ли?

Дятел на секунду замер, повернул голову и уставился на Еремея круглым глазом. Глаз был красный, безумный, какой бывает только у тех, кто слишком много работает и слишком мало спит.

— Чего? — переспросил Дятел.

— Эхо пропало! Ты ничего не слышал?

— Чего-чего?

— ЭХО! ПРО-ПА-ЛО!!!

— А-а-а... — Дятел перестал долбить и задумался. — А что это?

— Что «что это»?

— Эхо. Это что?

Еремей вздохнул. Разговор с Дятлом всегда шёл по одному и тому же сценарию: сначала он не слышит, потом переспрашивает, потом задаёт вопрос, не имеющий отношения к делу, а потом снова начинает долбить.

— Эхо — это когда ты говоришь, а оно повторяет, — объяснил Еремей. — Ты кричишь: «Тук-тук-тук», а оно: «Тук-тук-тук». Помнишь?

— Не-а, — честно сказал Дятел. — Я не кричу «тук-тук-тук». Я просто стучу. А эхо... — он наморщил лоб, — может, оно и отвечало иногда. Только я не слушал. У меня работа.

— А вчера? Вчера ты ничего странного не заметил?

Дятел подумал.

— Вчера жёлудь упал.

— И что?

— Громко упал. Очень громко. Прямо бах. Я аж подпрыгнул. А так — ничего. Тихо было.

— Тихо, — повторил Еремей задумчиво. — Слишком тихо, да?

— Ну, — Дятел пожал крыльями, — я же говорю, жёлудь громко упал. Если бы не жёлудь — было бы совсем тихо. Как в дупле.

— Когда как в дупле?

— Ну, — Дятел понизил голос, — когда ты спишь, а никто не шумит. Вообще никто. Даже ветер. Даже листья. Как будто... — он оглянулся по сторонам, — как будто кто-то выключил всё.

Еремей почувствовал, как по спине пробежал холодок.

— И давно так?

— С утра. Или с ночи. Я не помню. Я стучал.

— А кроме желудя? Может, кто-то проходил?

Дятел наморщил лоб. Видно было, что он честно пытается вспомнить, и это доставляет ему почти физическую боль.

— Ты проходил, — сказал он наконец.

— Я?!

— Ну да. Ты. Утром. Или ночью. Темно было. Ты шёл и ругался.

— Куда шёл? — сердце у Еремея забилось быстрее.

— Туда, — Дятел махнул крылом в сторону Дальней Лощины.

— И что я говорил?

— Ругался, — повторил Дятел. — Говорил: «Я вам покажу, как шуметь». Или «Сейчас я вас заткну». Что-то такое. А потом ты ушёл. И стало тихо.

Еремей медленно опустился на ближайший пенёк. Ноги вдруг стали ватными.

— Спасибо, Дятел, — сказал он тихо. — Ты мне очень помог.

— Правда? — обрадовался Дятел. — А я уж думал, я глупый.

— Ты не глупый. Ты просто очень целеустремлённый.

— Ой, спасибо! — Дятел просиял и тут же снова начал долбить.

Еремей сидел и смотрел в сторону Дальней Лощины. Что-то подсказывало ему, что идти туда не хочется. Очень не хочется. Потому что, кажется, он уже знал — точнее, начинал смутно догадываться, — чем закончится это расследование.

Заметка на полях:

«Дятел — ценный свидетель. Ни черта не помнит, кроме того, что стучал, но даже из его показаний складывается неприятная картина. Я шёл куда-то. Я ругался. Я хотел, чтобы все заткнулись. И после этого эхо пропало. Совпадение? Очень на это надеюсь».

Солнце поднялось уже высоко, и лес нагрелся. Пахло хвоей, смолой и земляникой — где-то рядом, за оврагом, была целая поляна. В другое время Еремей непременно завернул бы туда, набрал полную горсть и сидел бы, жевал, щурясь от солнца. Но сейчас ему было не до земляники.

Оставался последний свидетель. Ветер.

Ветер допросить было сложнее всего — не потому что он был скрытным или хитрым, а потому что у него не было ни рта, ни ушей, ни вообще какой-либо постоянной формы. Он был везде и нигде, и разговаривать с ним можно было только на его условиях.

Еремей выбрался на открытую поляну — ту самую, где рос старый, корявый вяз, одиноко торчащий посреди разнотравья. Ветру нравилось здесь, он часто кружил вокруг вяза, шелестел листвою и вообще вёл себя как полноправный хозяин.

— Ветер! — позвал Еремей. — Поговорить надо.

Сначала ничего не происходило. Потом трава у ног чуть колыхнулась. Потом листья на вязе зашевелились, хотя Еремей не чувствовал ни дуновения.

— Ну? — прошелестело в кроне. Голос у Ветра был такой, как и положено: лёгкий, переменчивый, с присвистом. — Чего тебе, старый?

— Эхо пропало. Ты что-нибудь знаешь?

Ветер засмеялся — если это можно было назвать смехом. Скорее, порыв, который взметнул пыль и закружил её маленьким вихрем.

— Знаю, — прошелестел он.

— Что? — Еремей подался вперёд. — Что ты знаешь?

— Много чего знаю. Я везде летаю. Всё слышу. Всё вижу.

— Ветер, не тяни резину. У меня расследование. Эхо украли?

Ветер задумался. Задумавшийся Ветер — это странное зрелище: он перестаёт дуть, и мир вокруг замирает, как перед грозой.

— Не украли, — сказал он наконец. — Спрятали.

— Кто?!

Снова молчание. Трава легла. Листья замерли.

— Ты, — сказал Ветер.

И всё стихло.

— Что?! — Еремей чуть не поперхнулся. — В смысле — я?!

— Ты. Вчера. Утром. Ты пришёл в Дальнюю Лощину, накрыл эхо мхом, придавил бревном и засыпал листьями. Сказал: «Пусть теперь помолчит». И ушёл.

Еремей открыл рот. Закрыл. Снова открыл.

— Не может быть, — прошептал он.

— Может, — прошелестел Ветер. — Я там был. Я всё видел. Ты ещё споткнулся о корень и сказал: «Чтоб тебя». Вот дословно: «Чтоб тебя».

Еремей вспомнил. Вернее, не вспомнил — почувствовал где-то в затылке, как воспоминание пробивается сквозь похмельный туман. Обрывок картинки: он идёт через лес, голова раскалывается, и каждое «ку-ку» кукушки отдаётся в висках набатом. Каждое «чик-чирик» воробья — как гвоздь под кору. Каждый шорох листвы — как насмешка.

И он пришёл к эху.

И заткнул его.

— Ой, — сказал Еремей.

— Вот тебе и «ой», — прошелестел Ветер и улетел по своим делам.

Еремей остался стоять посреди поляны, глядя на старый вяз и чувствуя себя полным, абсолютным, стопроцентным дураком. Поганка на плече поникла — кажется, даже ей было стыдно.

Заметка на полях:

«Идиот. Старый, выживший из ума идиот. Сам украл эхо, сам же взялся расследовать. Русалке в глаза теперь как смотреть? Она, конечно, глупа, но не настолько. Хотя... Может, если ей не говорить? Сказать, что это был злой дух? Или кроты? Кроты — они такие, могли и эхо украсть. Нет. Врать Русалке — себе дороже. У неё чутьё на враньё, как у щуки на малька. Придётся сознаваться. И возвращать. Ох ты ж...»

Еремей вздохнул, поправил поганку на плече и медленно, очень медленно побрёл в сторону Дальней Лощины. Ноги не слушались. Идти не хотелось. Но деваться было некуда.

Лес вокруг жил своей жизнью. Где-то в кронах пересвистывались птицы, под ногами шмыгали мыши, из-под корней выглядывали любопытные жуки. Лес дышал. Лес двигался. Лес был огромным, единым существом, и прямо сейчас это существо, кажется, тихо посмеивалось над старым лешим.

Глава 3. Дальняя Лощина, или Разговор с собственной глупостью

Дальняя Лощина была местом, куда нормальные обитатели леса без надобности не совались. Не потому что там водилось что-то опасное — нет, опасного там как раз ничего не было. Опасное в лесу вообще редкость, если не считать грибников с бензопилой и городских туристов с мангалом. А Лощину избегали по другой причине: там жило Эхо.

Эхо — существо странное. Не то чтобы вредное. Скорее, навязчивое. Оно повторяло всё подряд, без разбора и без цензуры. Скажешь «дурак» — и полдня слушаешь, как по лесу летит: «дурак-дурак-дурак...» Чихнёшь — эхо чихнёт в ответ так громко, что птицы с веток слетают. А уж если прийти в Лощину с какой-нибудь глупостью на уме — эхо её разнесёт, растиражирует и вернёт тебе же в десятикратном размере.

Поэтому с эхом старались жить дружно. Не обижать. Не дразнить. И уж точно не прятать подо мхом.

Еремей брёл по тропинке, которая вела в Лощину, и с каждым шагом ему становилось всё тоскливее. Тропинка петляла между замшелых валунов, ныряла в овраги, перепрыгивала через ручьи. Папоротники здесь росли в человеческий рост, а старые ели смыкали кроны так плотно, что внизу царил вечный полумрак. Пахло сыростью, грибами и чем-то древним —

таким древним, что даже Еремей, проживший на свете не одну сотню лет, чувствовал себя рядом с этими камнями мальчишкой.

Он вспоминал. Точнее, пытался вспомнить.

Воспоминания возвращались урывками, как старая мозаика, из которой выпала половина кусочков. Вот он сидит у Водяного. Вот они пьют. Водяной рассказывает какую-то мутную историю про то, как его однажды чуть не вычерпали ведром. Вот Еремей хохочет так, что лягушки разбегаются. Вот они допивают последний бочонок. Вот Еремей идёт домой, цепляясь за кусты...

А потом — провал. Чёрная дыра. Пустота.

И из этой пустоты выплывает только одно: он стоит в Лощине, держится за голову, а эхо повторяет за какой-то пичугой: «чив-чив-чив-чив» — и этот звук ввинчивается в мозг, как буравчик. И Еремей орёт: «Да заткнись ты!!!» И эхо радостно подхватывает: «Заткнись-заткнись-заткнись...» И тогда...

— Ох ты ж, — прошептал Еремей.

Дальняя Лощина открылась перед ним внезапно, как всегда. Только что шёл через густой ельник — и вдруг деревья расступились, открывая огромную чашу, залитую солнцем. Это было странное место: глубокая впадина, поросшая мягким, изумрудным мхом, с одним-единственным старым дубом посередине. Ветви дуба раскинулись так широко, что накрывали пол-Лощины, а корни уходили в землю на такую глубину, что, поговаривали, доставали до самого царства подземных гномов. Еремей гномам не верил, но корни уважал.

Под дубом лежало бревно. Трухлявое, замшелое, явно не первую сотню лет здесь пролежавшее. Но сейчас оно лежало как-то... неправильно. Слишком ровно. Слишком аккуратно. И мох вокруг него был примят.

Еремей подошёл ближе. Сердце колотилось где-то в районе горла. Он наклонился, взялся за край бревна и отвалил его в сторону.

Под бревном, укрытое толстым слоем прошлогодних листьев и свежего мха, лежало Эхо.

Оно не двигалось. Оно не издавало ни звука. Но оно было живое — Еремей чувствовал это. Эхо напоминало сгусток воздуха, чуть более плотный, чем всё остальное, дрожащий и переливающийся, как мираж над горячей дорогой. Если приглядеться, можно было заметить, как по его поверхности пробегают волны — медленные, печальные, как круги по воде от брошенного камня.

— Эхо... — тихо позвал Еремей.

Эхо не ответило.

— Эхо, я это... — он прокашлялся. — Я пришёл.

Тишина.

— Слушай, ну чего ты как... как ребёнок малый. Вылезай. Я извиниться пришёл.

Эхо шевельнулось. Чуть-чуть. Самую малость. По его поверхности прошла рябь, и Еремею почудилось, что оно на него... обижено. Да, именно обижено. Как ребёнок, у которого отобрали любимую игрушку.

— Я понимаю, — сказал Еремей, садясь рядом на корточки. — Я был неправ. Я старый дурак. Я напился с Водяным, у меня башка трещала, мне казалось, что ты специально шумишь. А ты не специально. Ты вообще не можешь специально. Ты же эхо.

Эхо молчало. Но рябь стала чуть активнее.

— Я тебя закопал, — продолжил Еремей. — Под мхом. Под бревном. Как какую-то... как клад. Идиот. Клинический идиот. Ты уж прости меня, старого. У меня склероз, я вообще ничего не помню. Я, может, ещё и не такое творил, только забыл уже.

Эхо дрогнуло. Еремею показалось, что оно... улыбается? Нет, эхо не может улыбаться. Но что-то в его колебаниях изменилось. Появился какой-то ритм. Как будто оно прислушивалось.

— Лес без тебя не может, — сказал Еремей. — Дятлы с ума сходят. Лоси в деревья врезаются. А Русалка... — он вздохнул. — Русалка вообще в истерике. Она же без тебя никто. Ей нужно, чтобы ты ей говорило, что она красивая. Ты же знаешь, она без этого жить не может.

Эхо заколебалось сильнее. Теперь это напоминало дрожание воздуха над костром.

— Давай так, — Еремей придвинулся ближе. — Я тебя сейчас откопаю до конца. Уберу листья. Уберу мох. И ты возвращайся. А я обещаю: больше никогда тебя не закапывать. Даже с похмелья. Даже если ты будешь повторять за этой дурацкой кукушкой, которая вечно путает время. Даже если дятлы устроят соревнования по художественному стуку. Обещаю. Слово лешего.

Он замолчал. Эхо тоже молчало. Прошла минута. Другая. Где-то в кроне дуба зашуршали листья.

И вдруг...

— ...старый дурак... — прошелестело в воздухе.

Тихо-тихо. Едва слышно. Но Еремей услышал.

— Да, — сказал он. — Старый дурак. Согласен. Признаю.

— ...старый дурак-дурак-дурак... — повторило эхо чуть громче, и в его голосе послышалось что-то вроде ехидства. — ...слово лешего-лешего-лешего...

— Слово лешего — кремень, — сказал Еремей. — Ну, почти.

Он наклонился и начал разгребать листья. Руки у него были большие, узловатые, с корявыми пальцами, но работали они ловко — сказывались столетия практики. Через несколько минут Эхо было полностью освобождено.

Оно повисело в воздухе ещё секунду, словно разминая затёкшие бока, а потом медленно, величественно поднялось над Лощиной. Воздух вокруг задрожал, пошёл волнами. Где-то вдалеке стукнул дятел — и эхо радостно подхватило: «Тук-тук-тук-тук...» Запела какая-то пичуга — и эхо запело в ответ: «Фьють-фьють-фьють...»

Лес ожил.

Еремей сидел под дубом и слушал. Звуки возвращались — один за другим, как инструменты в оркестре перед началом симфонии. Дятел отбивал ритм. Кукушка отсчитывала такты. Ветер шелестел листвой, и эхо разносило этот шелест по всей Лощине, превращая его в шёпот, в песню, в дыхание.

— Вот так-то лучше, — пробормотал Еремей.

Эхо, разгулявшись, подхватило его слова и понесло по лесу: «Лучше-лучше-лучше...»

Заметка на полях:

«Эхо — существо незлопамятное. Откопал, извинился — работает. Побольше бы таких в лесу. А то некоторые чуть что — обида на сто лет. Вот ехидна, например...»

Обратно Еремей шёл налегке. Солнце уже перевалило за полдень и светило мягко, по-вечернему. Лес был полон звуков: птицы, шорохи, далёкий стук дятла, журчание ручья. И над всем этим — эхо, живое и довольное, игравшее с каждым звуком, как котёнок с клубком.

У болота его ждали.

Русалка сидела на своём камне — том самом, с которого она обычно пела. Волосы были заново причёсаны, кувшинки вплетены свежие, а на лице застыло выражение тревожного ожидания. Завидев Еремея, она подскочила:

— Ну?! Ну что?! Нашёл?!

Вместо ответа Еремей набрал в грудь воздуха и гаркнул:

— Эге-ге-ге-гей!!!

Эхо подхватило: «Гей-гей-гей...» — и понесло над болотом, над лесом, над всей округой.

Русалка замерла. Её глаза — глупые, прекрасные, светло-зелёные — наполнились слезами. Но на этот раз это были слёзы счастья.

— Вернулось... — прошептала она. — Вернулось!!!

Она вскочила на камень, раскинула руки и закричала так, что у Еремея заложило уши:

— Я КРАСИ-И-И-ИВАЯ!!!

— ...красивая-красивая-красивая... — услужливо разнесло эхо.

— Я САМАЯ КРАСИВАЯ В ЭТОМ ЛЕСУ!!!

— ...в этом лесу-лесу-лесу...

— Я ПРЕКРАСНА-А-А-А!!!

— ...прекрасна-прекрасна-прекрасна...

Русалка закружилась на камне, и её мокрые волосы описали в воздухе сверкающую дугу. Кувшинки, конечно, снова растрепались, но ей было всё равно.

— Еремей! — она бросилась к нему и повисла на шее, окатив запахом тины и речных цветов. — Ты мой герой! Ты мой спаситель! Ты... ты...

— Мокрый я теперь, вот кто я, — проворчал Еремей, но отстранять её не стал. В конце концов, приятно, когда тебя называют героем. Даже если ты этого не заслужил.

— Кто украл? — вдруг спросила Русалка, отстраняясь и глядя на него своими огромными, всё ещё мокрыми от слёз глазами. — Кто это сделал?!

Еремей замаялся. Вот он — момент истины. Можно соврать. Можно сказать, что это были браконьеры. Или лешие-конкуренты из соседнего леса. Или злой дух. Или кроты.

Он посмотрел на Русалку. Она смотрела на него с таким обожанием, с такой благодарностью, что врать расхотелось.

— Я, — сказал он коротко.

Русалка моргнула.

— Ты?

— Я.

— Ты украл эхо?

— Спрятал. Случайно. С похмелья.

Повисла пауза. Русалка переваривала информацию. Это было видно по её лицу — мысль пробиралась через дебри её сознания, как улитка через крапиву.

— С похмелья, — повторила она наконец.

— С Водяным перебрали, — пояснил Еремей. — Утром голова трещала. Хотелось тишины. Ну я и... это... заткнул эхо. А потом забыл.

Русалка молчала. Её лицо сменяло выражения: недоверие, удивление, возмущение, снова недоверие.

— То есть, — медленно произнесла она, — я полдня рыдала, кувшинки переплетала заново, к тебе бегала, переживала, думала, что всё, жизнь кончена, красоту мою никто не оценит... из-за того, что ты НАПИЛСЯ?!

— Ну... — Еремей почесал затылок. — Если совсем кратко — да.

— ЕРЕМЕЙ!!!

— А вот орать не надо! — он выставил вперёд ладонь. — Эхо только вернули, а ты уже орёшь! Пожалей инструмент!

Русалка набрала в грудь воздуха для новой тирады, но передумала. Видимо, радость от возвращения эха всё же перевешивала. Она фыркнула, тряхнула волосами (капли воды разлетелись во все стороны) и сказала:

— Ладно. Прощаю. Но с Водяным больше не пей.

— Не буду, — пообещал Еремей. — До следующего раза.

— Еремей!!!

— Шучу. Всё, иди давай. Тебе ещё перед эхом красоваться.

Русалка, не дослушав, уже уплывала в сторону середины болота, где эхо разносило её голос по всей округе. Кажется, концерт обещал быть долгим.

Еремей вздохнул и пошёл обратно к дубу.

Заметка на полях:

«Русалка — существо отходчивое. Глупое, но отходчивое. И красивое. В лесу говорят, что утопленницы все такие: красота есть, ума нет, но сердце доброе. Жаль только, что голос у неё на таких частотах, что мухоморы вянут. Ладно. Дело закрыто. Эхо на месте. Пора записать».

У своего дуба Еремей первым делом проверил, не завелись ли в дупле бельчата (не завелись), не спёр ли кто талмуд (не спёр) и не выросла ли на плече новая поганка взамен старой, которая завяла от стыда (не выросла). Всё было на своих местах.

Он сел на трухлявый пенёк, раскрыл талмуд и начал записывать. Перо скрипело, буквы ложились кривовато, но разборчиво. Еремей писал долго — записывал всё: и попойку, и Русалку, и допросы, и Дальнюю Лошину. В графе «виновный» он, подумав, написал: «Брага». В графе «наказание»: «Обещано больше не пить. Выполнение под вопросом».

Когда он дописывал последнюю строчку, сзади раздался шорох.

— Ну что, герой? — раздался ехидный голос. — Раскрыл дело?

Еремей обернулся. Из кустов, не торопясь, выкатилась Ехидна. Маленькая, колючая, с длинным носом и глазками-бусинками, в которых плясали бесенята. Она была та самая — его давняя знакомая, свидетельница их спора, та, что назвала его «старым брехлом» и не верила в его детективные таланты.

— Раскрыл, — сказал Еремей, стараясь говорить с достоинством.

— И кто же преступник? — Ехидна растянула пасть в улыбке. Она уже знала. Она всё знала. Ветер — известный сплетник — наверняка уже разболтал всему лесу.

— Преступник, — Еремей сделал паузу, — обезврежен. Дело закрыто.

— Преступник — ты, — сказала Ехидна. — Сам украл, сам нашёл, сам себе герой. Гениально. Просто гениально.

Она засмеялась. Смех у неё был противный — скрипучий, лающий, похожий на кашель простуженной вороны.

— Иди ты, — буркнул Еремей. — Между прочим, в талмуде всё записано. Вот так-то. Дело было сложное. Запутанное. Я проявил выдающиеся аналитические способности.

— Выдающиеся! — закатилась Ехидна. — Ой, не могу! Выдающиеся! Ты забыл, что эхо закопал, а потом три дня его искал! Это не анализ, это склероз!

— Я старый, — сказал Еремей с достоинством. — Мне можно.

— Старый-старый, а туда же — сыщик, — Ехидна утёрла выступившие от смеха слёзы колючей лапой. — Ладно. Спор ты выиграл. Дело и правда было интересное. Даже слишком интересное. Я уж думала, никогда не узнаю, куда эхо делось. А оно вон оно что — под бревном лежало.

— Вот именно, — Еремей гордо выпрямился. — А ты не верила.

— Теперь верю. Ты великий сыщик. Великий и ужасный. Особенно когда с похмелья.

Она снова засмеялась, на этот раз ещё громче. Еремей махнул на неё рукой, но в глубине души улыбался. Пусть смеётся. Дело и правда вышло дурацкое. Зато теперь есть что записать в талмуд.

И есть что рассказать тем, кто захочет послушать.

Заметка на полях (последняя в этом деле):

«Ехидна — существо невыносимое, но честное. Сказала, что дело интересное, значит, так и есть. Жаль только, что теперь весь лес знает, что я эхо закапывал. Водяной уже прислал лягушку с запиской: "Сыщик, заходи, обмоем". Нет уж. Хватит с меня обмываний. По крайней мере, до следующей среды».

Солнце садилось. Лес затихал — но теперь это была правильная, живая тишина, в которой слышалось дыхание деревьев, шёпот трав и далёкое эхо Русалкиного голоса, всё ещё певшей где-то на болоте. Еремей сидел на пне, смотрел на закат и думал, что жизнь, в общем-то, ничего. Даже когда ты старый дурак с поганкой на плече.

КОНЕЦ ПЕРВОГО ДЕЛА

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.